

Яблоновская Н.В.

"ЖИЗНЬ АРСЕНЬЕВА" И.А.БУНИНА И "ПУТЕШЕСТВИЕ ГЛЕБА" Б.К.ЗАЙЦЕВА: ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ В ИЗОБРАЖЕНИИ ДВОРЯНСКОЙ УСАДЬБЫ

Противопоставление столичной и провинциальной жизни, проявляющееся в открытой нелюбви к северной столице - Петербургу, наблюдалось в русской литературе на протяжении всего XIX в. По замечанию Л.К.Долгополова, первым представителем письменной литературы, воплотившим в реальных художественных чертах роковую и трагическую роль Петербурга в судьбе человека, был А.С.Пушкин в «Медном всаднике»¹. Восприятие Петербурга как города мрачных красок, человеческих трагедий, «города не Петра, но Медного всадника» сохранилось и у Н.В.Гоголя («Невский проспект», «Нос», «Записки сумасшедшего», «Шинель»), особенно же характерно оно для романов Ф.М.Достоевского (например, Родион Раскольников, вглядываясь в «великолепную панораму» центра города, «дивился... каждый раз своему угрюмому и загадочному впечатлению», а для Аркадия Долгорукова Северная Пальмира - «гнилой, склизкий город», видение, которое может в любую минуту исчезнуть, как дым).

Отголоски спора о приоритетности столицы или провинции звучат и в русской литературе XX в., в частности, в «Жизни Арсеньева» И.А.Бунина. Главный герой романа почувствовал себя в Петербурге окруженным «его темным и сложным, зловещим величием»². Город же ему показался «уже крайним севером», вьюга «сумрачной», а улицы удивили своей одинаковостью. Сбежав из столицы в солнечную Малороссию, Арсеньев «навек понял», что он «человек до глубины южный», а его негативное отношение к Петербургу вызвано не только личным опытом, но и традициями русской литературы. Цитируя слова Гоголя: «Петербург, снега, подлецы, департамент - все это мне снилось: я проснулся опять на родине», - бунинский герой замечает, что и для него родиной является провинция, в частности, Украина, где так сильна связь с древнерусскими корнями.

И Зайцев признавался в нелюбви к столице, правда, французской, - Парижу, поглощенному людской суетой. Ему была ближе французская провинция, особенно солнечный Прованс, где искреннее человеческие чувства, открытое души: «После юга Париж суров. Всегда-то он холодноват и суховат, но после тишины, пустынных гор Вара шум, деловитость, грандиозный ход Парижа надо вынести... Ты здесь неразличим, безвестен, угрожаем»³.

Закономерно, что в «Жизни Арсеньева» нет противопоставления провинциальной и столичной жизни по степени их «культурности»: герой романа чувствует «ограниченность» собственного пространства и времени, своей жизни в Батурине, но преодолевает эту ограниченность путешествиями не в столицу, а в такую же провинцию - Орел, Харьков, Полтаву и «сказочный» Крым, где его «ждало» прошлое отца и « пленительные гурзуфские дни легендарного Пушкина».

В «Жизни Арсеньева» мы скорее встречаемся с альтернативой город-усадьба: в Харькове главного героя поражает более быстрое, чем в деревне, течение жизни: «Такого количества новых чувств я еще никогда не испытывал, столько знакомств за всю жизнь не делал»⁴, но для Арсеньева это скорее недостаток, чем достоинство города: «В брате, который встретил меня с радостным изумлением, оказалось тоже что-то новое, - он тут, в Харькове, был... как будто менее близок мне... И как странна была его харьковская жизнь»⁵. Даже в том, что прежде всего обратило внимание Арсеньева в Харькове - мягкость воздуха, обилие света, он проявляет себя как сельский житель с повышенной восприимчивостью к свету и воздуху. Так же и отец Глеба в «Юности» признается в нелюбви к городу, где «все другое. Теснота... Ни простора, ни зелени. Охотиться негде»⁶.

Город же привлекает героя прежде всего возможностью творческой реализации. Однако в произведениях, написанных в городе, Арсеньев реализует то, что уже было им накоплено в деревне: знание жизни народа, любовь к природе, редкую остроту ощущений. Способность Арсеньева видеть все семь звезд в Плеядах, за версту слышать свист сурка в вечернем поле, отличать запах росистого лопуха от запаха сырой травы трансформировалась в особую писательскую наблюдательность, «чувственность» восприятия, отмечающую и «тройной клубничной нос» пьяницы, и словно завязанные бантом уши собачки.

Бунинский герой будто иллюстрирует слова Владимира из «Романа в письмах» Пушкина: «Петербург прихожая, Москва девичья, деревня же наш кабинет. Порядочный человек по необходимости проходит через прихожую, редко заглядывает в девичью, а сидит у себя в своем кабинете»⁷. Понятно, что, говоря о деревне, Пушкин имел в виду не курную крестьянскую избу, а дворянскую усадьбу, которая на протяжении XVI - начала XX веков была истоком русской культуры. Уже само понятие усадьбы снимает альтернативу между столицей как центром культурной жизни и провинцией как чем-то отдаленным и отсталым: родовое поместье представляло собой феномен, в котором сочетались хозяйственная и культурная, духовная и материальная стороны жизни русского помещика.

Пушкинское Михайловское, лермонтовские Тарханы, аксаковское Абрамцево, толстовская Ясная Поляна, бунинские Огневка и Васильевское, зайцевские Усты - эти названия дворянских усадеб вошли не только в историю России, но и в ее литературу. Для исследования феномена русской усадьбы большой материал предоставляют автобиографические повествования XIX и XX вв., представляющие ее основой жизни русского дворянина (в «Детских годах Багрова-внука» это Багрово и Серезино, в «Детстве» Толстого - Покровское, в «Жизни Арсеньева» - Каменка, Батурино и Васильевское, в «Путешествии Глеба» - Усты,

Людинове, Будаки и Прошино).

Важное место в поместной жизни дворянина занимало чтение: библиотеки часто были украшением дома и содержали книги как на родном, так и на иностранных языках. В отдельных случаях чтение заменяло потомкам обедневших родов классическое образование – гимназию, университет. Сам Бунин, ставший академиком в 39 лет, не закончил гимназии и всем достигнутым был обязан своей любви к книгам, которые, по собственному признанию, «брал ведь не из «публичной библиотеки», из дедовских шкапов». Благодаря этому русские классики казались писателю вполне «своими» по тому обществу, кругу, к которым принадлежал и он, а их произведения – «нашими», «для нас и с нашими чувствами». Арсеньев, для которого жизнь в родном гнезде также была «вся пропитана духом и образами русской литературы» (Т.В.Марченко), с трепетом вспоминает библиотеку Васильевского: «Там оказалось множество чудеснейших томиков в толстых переплетах из темно-золотистой кожи с золотыми звездочками на корешках – Сумароков, Анна Бунина, Державин, Батюшков, Жуковский, Веневитинов, Языков, Козлов, Баратынский... Как восхитительны были их романтические виньетки, - их шрифт, их шершавая, чаще всего синеватая бумага и чистая, стройная красота, благородство, высокий строй всего того, что было на этой бумаге напечатано!»⁸.

Зайцевский Глеб, жертва помещичьего обнищания, уже не имеет возможности пользоваться дедовской библиотекой: книги, которые он читает, из калужской библиотеки – «затрепанные переплеты, синее библиотечное клеймо на первой странице, сыроватые листы, пахнущие затхлостью». Еще недавно бывшая литературной грибницей, русская усадьба в «Путешествии Глеба» превращается в дачу, жилище временное, не связанное с памятью рода, с его культурой, утратившее автономность: здесь уже не занимаются хозяйством, да и за пищей духовной приходится ехать в город. Хотя и здесь герой хранит «с детства знакомого Толстого - маленькими томами на тонкой бумаге», Тургенева, «тихонравовского Гоголя - переплеты жиздринского еврейчика - по этим именно книгам отец вслух читал в Устах «Тараса Бульбу», Тютчева и Фета, Лескова - «все свои, все отцы».

Не суетливые столицы, а родной дом, усадьба олицетворяют для Багрова, Иртеньева, Арсеньева и Глеба Родину. В этом выразились глубоко личные чувства авторов художественных автобиографий. Так, Толстой написал в очерке «Лето в деревне»: «Я трудно могу себе представить Россию и мое отношение к ней. Без Ясной Поляны я, может быть, яснее увижу общие законы, необходимые для моего отечества, но я не буду до пристрастия любить его. Хорошо ли, дурно ли, но я не знаю другого чувства родины»⁹.

Совпадение понятий имени и родины у авторов художественных автобиографий подчеркивает и безусловное значение для них понятия дома. Дом для героев произведений Аксакова, Толстого, Бунина и Зайцева – это средоточие семейных традиций, но это и собственность, дающая личную свободу ее владельцу от давления властей. Герой Аксакова признается: «Сергеевка занимает одно из самых светлых мест в самых ранних воспоминаниях моего детства... Такие же камешки и пески встретили меня на другом берегу реки, но я уже мало обращал на них внимания, - у меня впереди рисовалась Сергеевка, моя Сергеевка, с ее озером, рекою Белою и лесами... Особенно был красив и живописен *наш* берег, покрытый молодой травой и луговыми цветами...»¹⁰.

Восторг обретения собственного дома, собственной земли знаком и главному герою «Путешествия Глеба»: «Все казалось необыкновенным: белоствольные рощи березовые, тесно окружавшие усадьбу..., небольшой дом, насквозь проникнутый запахом странным – его источали и стены, и старинная мебель, нечто очаровательно-затхло-сладковатое... Есть места на земле, как бы уготованные душе. Глеб слышал много о Будаках, как-то рисовал их себе. А попав сюда, вдруг оказался в мире волшебном, но и настоящем, и страннее всего, что настоящее было предчуяно, но оказалось выше сновиденья, в дальнейшем же навсегда сновиденьем и осталось»¹¹.

В усадьбе, в собственном доме герой художественной автобиографии всегда ощущает себя в центре внимания, в центре доброжелательно настроенного к нему мира. Адаптация к городской жизни болезненно переносится и Багровым, и Иртеньевым, и Арсеньевым, и зайцевским Глебом. Казенная обстановка гимназии, в которой отсутствует уважение к личности ребенка, словно размывает ауру защищенности, окружающую его на родовой земле. Неприятие гимназии порождали не только воспоминания о свободной деревенской жизни и разлука с близкими. Гораздо важнее для ребенка было то, что в деревне он был барчуком, которого знал по имени каждый крестьянин, в городе он - один из многих, т.е. никто.

Герою «Воспоминаний» Аксакова здание гимназии «показалось страшным, очарованным замком, тюрьмой», в которой он будет колодником. Николенька Иртеньев в «Отрочестве» Толстого вдруг осознает, как московская жизнь меняет его отношение к людям. Как тяжкое испытание переживает гимназию и бунинский герой: его мучают скука провинциального города и чуждость мещанской среды, но больше всего ранит грубое обращение учителей, в ответ на которое он сказал однажды: «Не кричите на меня и не говорите мне «ты» - я вам не мальчик».

У зайцевского Глеба в городской гимназии буквально земля уходит из-под ног. В Людинове он был для всех директорским сыном, что заставляло окружающих относиться к нему предупредительно, в Калуге же он начинает чувствовать свою полную зависимость от преподавателей, инспекторов, директора гимназии, соучеников и замечает, что даже его мать, «в Людинове барыня, здесь, «в большом городе», среди непрерывного начальства, стусевалась». Внутреннюю несвободу подчеркивает и казенная внешность новоиспеченного гимназиста, которого «блестящие пуговицы, лавры на фуражке, туго стоявшее светло-серое сукно одеяния делали... похожим не то на военного, не то на полицейского, и меньше всего на

вольного художника и мечтателя села Людинова»¹².

В отличие от пусть даже собственного, но приобретенного жилья, родовой дом связывает своих хозяев с предками, с родной землей, и потому это владение неотчуждаемое, как жизнь, как душа. Если Сережа Багров и зайцевский Глеб испытывают радость обретения собственного дома, имения (от слова «иметь»), то для толстовского Николеньки и Алексея Арсеньева фамильный дом - это еще и ожившая память о собственных истоках, своеобразное звено, связывающее с родовым прошлым.

Зайцевский Глеб не чувствует себя «наследником» в той степени, в какой это присуще бунинскому герою. И в этом раскрывается различие между Зайцевым и Буниным в понимании традиции. Для Бунина традиция - это прошлое в настоящем, то, что уже накоплено. Будущее этой цепи поколений писателя не интересует, а носитель наследия ощущает себя последним в цепи, и это накладывает на него огромную внутреннюю ответственность перед Вечностью.

Зайцев, напротив, акцентирует внимание на потомках, будущем, т.е. на том, что его герой сможет оставить после себя. Он как бы заранее смиряется с преходящестью жизни и стремится увидеть ее смысл в той памяти, которую сохранят о человеке его потомки.

Но если не родовая память, то сословная гордость знакома и зайцевскому герою. Ему нравится думать о том, что его бабушка из аристократического польского рода; встречая ее, он не поддается эмоциям, помня о «noblesse oblige»: «Он не Масетка, даже не Соня». Гувернантка Лота для Глеба «немножко «из простых», не «наша»... не то, что Дашенька, конечно, или кривоногий Гришка, но и не совсем барышня». Живя в Людинове, он чувствует свое отличие от людей типа фельдшерицы Мясновой или семейства Новоселовых: «Нет, хорошо, что он сын именно своего отца, и живет вот так, один, наверху. А Новоселовы и Батяка этот... Он вспомнил квартиру Новоселовых - беспорядок, некрасота, фамильный тон. «Нет, этот Батяка какой-то *чуждой*» - и все новоселовское представилось ему пестрым и неудобным»¹³.

Бунин и Зайцев - эстеты, причем их чувство красоты не приобретенное, а накопленное многими поколениями их дворянских родов. Для них внешнее уродство всегда тесно связано с неблагополучием внутренним. В разночинной интеллигенции их героев отталкивает и некрасота, неудобность ее быта. Глеба коробит не только всегдашний беспорядок дома Новоселовых, но и внешность фельдшерицы Мясновой, плотной девушки с почти мужским почерком и красными пальцами. Точно так же и Арсеньева в харьковском обществе брата оттолкнула в том числе нелюбезность многих его членов, среди которых Евгения выделял «более тонкий вид и даже иной язык».

В автобиографических произведениях усадьба выступает не только как постройка, но, главное, как основа традиционного помещичьего быта с его заботами и забавами. Своей хозяйственной деятельностью дворяне не только содействовали процветанию России: в ходе ее они получали возможность лучше узнать родной народ, его нравы, быт, язык.

Говоря о языке Толстого, Бунин подчеркнул: «Нет, это не толстовские, это наши общие особенности, особенности языка той местности, окружные точки которой суть Курск, Орел, Тула, Рязань, Воронеж»¹⁴. На этом языке, утверждал он, писали чуть ли не все крупнейшие русские писатели, т.к. большинство из них были выходцами из данной местности: Жуковский и Толстой - тульские, Тютчев, Лесков, Тургенев, Фет, братья Киреевские, братья Жемчужниковы - орловские, Анна Бунина и Полонский - рязанские, Кольцов, Никитин, Гаршин, Писарев - воронежские. Свою общность с языком и бытом практически всех известных русских писателей отмечает и земляк Бунина Зайцев: «Орловская губерния не весьма живописна... Это Предчерноземье. Место встречи северно-средней Руси с южной, Москвы со степью. К западу заходя в Калужскую, к северу - в Московскую, области Тулы и Орла являются как бы Тосканою русской. Богатство земли, тучность и многообразие самого языка давали людей искусства... Тургенев, Толстые, Достоевские порождены этими щедрыми краями»¹⁵.

Именно из усадебного опыта непосредственного общения с крестьянами проникало в литературные произведения точное, образное народное слово. Сережа Багров постепенно накапливает целый «толковый словарь» народных слов (см. выше). Принадлежность Бунина и Толстого к одному и тому же быту (сам Бунин отмечал общность своего и толстовского жизненного уклада: «Я тоже земляк Толстого, принадлежащий к тому же быту, что и Толстой») предопределила их обращение к одной и той же диалектной лексике, характеризующей устройство усадьбы («варок»), крестьянскую одежду и утварь («чуйка», «черепенник», «понева»). Но охотничья лексика - выжлятники, доезжачие, ягдташ - знакома не только Толстому и Бунину, но и автору «Путешествия Глеба» (вспоминается бунинское замечание о стихотворении советского поэта Д.Б.Кедрина, где охотник нес в «ягдташе» золотую «лису»: «Это так же правдоподобно, как если бы он нес в кармане собаку»).

В том, что герои художественных автобиографий Аксакова, Толстого и Бунина с ранних лет приобщались к крестьянскому труду, бесспорно, отразился личный опыт авторов произведений. Например, Сережа Багров любил внимательно и подолгу наблюдать за работой столяров и плотников, а потом решил попробовать поработать самостоятельно - вспахать землю. Алексей Арсеньев и косил рожь, и вязал снопы, и работал на гумне. Зайцевский Глеб тоже выходит на покос. Примером близкого к крестьянскому труду помещика в русской литературе служит и толстовский Левин.

Жизнь в усадьбе была замечательна гармонией между физическим и умственным трудом, материальным и духовным, второй и первой природой. Хозяйственная деятельность, развлечения, религия, литература, искусство переплетались в жизни усадьбы, но ее главным преимуществом была «естественность»,

нерасторжимая связь с природой. Стремление жить в ладу с природой не случайно объединило автобиографических героев Толстого, Аксакова, Бунина и Зайцева: весь уклад провинциальной дворянской усадьбы держался на натуралистской основе. Эта естественность воспитания прежде всего видна в биографии Бунина, для которого связь с природой не прерывалась никогда, даже после долгих лет жизни в столицах. На склоне лет писатель признался И.Одоевцевой, что природа всегда была для него так же важна, как и человек, если не важнее: «Я писал о природе гораздо больше, чем о людях, с которыми сталкивался. Я любил, я просто был влюблен в природу. Мне хотелось слиться с ней, стать небом, скалой, морем, ветром. Я мучился, не умея этого высказать словами. Я выходил утром страстно взволнованный и шел в лес, как идут на любовное свидание»¹⁶.

Таким образом, обостренное восприятие Арсеньевым природных явлений - не плод авторской фантазии, а художественное воспроизведение бунинского опыта, который писатель считал необходимым: «Которое нынче число? Если бы я даже не знал, какое, я бы и так, кажется, мог сказать, что это конец июля - так хорошо знаю я все мельчайшие особенности воздуха, солнца всякой поры года... Уже по одному тому, как высока крапива, мог бы я безошибочно определить, какое сейчас время лета. А кроме того, сколько едва уловимых, но мне столь знакомых, родных с детства, совсем особых запахов, присущих только рабочей поре, косье, ржаным копнам»¹⁷.

«Естественная» жизнь - вот что главное и для зайцевского Глеба в Людинове. Такое отношение к жизненным ценностям передает герою отец, для которого «настоящая» жизнь состоит в том, чтобы ездить верхом, стрелять уток и тетеревов, закусывать, хохотать, а Глебово ученье оправдывалось лишь «жизненной необходимостью».

Главный герой «Путешествия Глеба» ощущает знакомое Арсеньеву и Иртеневу пантеистическое чувство слияния с природой: «Вся эта весна оказалась для него блаженством. С каждым днем полнее возвращался он в мир гармонический, любимый, и движение самой весны, тоже с каждым днем все более и более завладевавшей окружающим, соответствовало росту его освобождения. Мир большой и мир малый как бы дышали однозвучно»¹⁸. Человек у Зайцева, как и у Бунина, - это значимая часть мира, отражающая все его разнообразие и воспроизводящая его структуру, живущая с ним в одном ритме и во всем от него зависящая.

Арсеньева и зайцевского Глеба объединяет и восторг перед красотой мира и совершенством замысла его создателя. «Какой невероятный, ослепительный свет, что за жаворонки, голубизна неба, горячее, душистое с лугов веянье - еще и покоса нет, а уж истаиваешь в сладких запахах, и все в свете дрожит, млеет, как-то ходит и трепещет, будто невидимый выбивает световую музыку. Кажется, что сейчас задохнешься от ощущения счастья и рая - да, конечно, рай и пришел из Высоцкого заказа, или еще дальше из-за него, в световых волнах, в блаженстве запахов и неизъяснимого чувства радости бытия. Благословен бог, благословенно имя Господне!»¹⁹ - так воспринимает природу герой у Зайцева. Сходные чувства испытывает и Арсеньев: «О, как я уже чувствовал великолепие мира и бога, над ним царящего и его создавшего с такой полнотой и силой вещественности»²⁰.

Деревня - это еще и идеальное место для работы, создания тех произведений, которые позже покоряли столицы. Примером в этом отношении служит жизнь Бунина, о которой В.Н.Муромцева написала: «В Москве, Петербурге, Одессе, даже в Крыму Иван Алексеевич часто бывал в ресторанах, много пил, вкусно ел, проводил зачастую бессонные ночи. В деревне он преображался... Разложив вещи по своим местам в угловой, очень приятной комнате, он несколько дней, самое большее неделю предавался чтению - журналов, газет, книг, Библии, Корана. А затем, незаметно для себя, начинал писать. За все время пребывания в деревне, как бы долго он там ни оставался, он жил трезвой, правильной жизнью»²¹. И главный герой «Путешествия Глеба», которого иногда утомляли пестрота и шум Москвы, уезжал писать в родительское Прошино, в «тихое пристанище, под защиту благих домашних сил».

Усадебная жизнь была славна и своими развлечениями - рыбалкой, собиранием грибов, ягод, катанием на лодке и, конечно, охотой, увлечение которой объединяет героев Аксакова, Толстого, Бунина и Зайцева (в «Путешествии Глеба» для отца главного героя слово «охотничий» значит «превосходный»: что же может быть лучше охоты и охотников!»).

Говоря о быте русской усадьбы, Бунин и Зайцев описывают и его религиозную сторону, которая на протяжении веков была определяющей. Однако Зайцев концентрирует свое внимание на духовном разложении дворянства и интеллигенции России начала века. По мнению писателя, безразличие к религии предков - один из основных признаков духовного обнищания.

Зайцевский Глеб в своем невольном атеизме повторяет судьбу автора тетралогии, в юности считавшего: «Православие, священники, молебны, «вкушения» с духовенством на Пасху и на Рождество - деревенски-помещичий быт, и только. Интеллигент в лучшем случае терпел это. А собственно считал религию «для простых», «нам» этого не нужно»²². Такая позиция героя противоположна авторской. Рассказчик, описывая атеизм семьи Глеба, не скрывает горькой иронии: его родители - «люди шестидесятых годов», для которых базаровское было не чуждо, а значит, неверующие - «в устовском доме кое-где висели образа, но случайные, без любви заведенные». Истоиво верует только бабушка главного героя, являющаяся для своих потомков «образом прошлого». Но вера ее иная, и потому *pré-Dieu* кажется Глебу таинственным, но сопереживания не вызывает.

Автор особенно настаивает на том, что равнодушие семьи Глеба к религии было нехарактерно в целом

для России: «Так или иначе относились бы родители Глеба к Рождеству, в русской деревне, да и во всей жизни тогдашней прочно сложился рождественский обиход. Давным-давно вся уж Россия с океанами лесов своих, полей, степей младенца приняла... Младенец рождается и приходит. Сквозь вековой сон и тьму, на мгновение просыпается мир, улыбается»²³.

Но знакомство Глеба с православием ограничивается его обрядовостью: идеи, сущность веры для него закрыты: «Именно край ризы, из-под которой видны сапоги на слона, это была его первая встреча с Церковью». Будучи проездом в Козельске, Глеб и его мать остаются равнодушными к его древней истории, не трогают героев и близость Оптиной пустыни: «Мать и Лиза, Глеб ночевали в номере довольно чистом - редкость для уездной гостиницы. Спали крепко, мирно. О татарах и замученных князьях не знали, да и многого вообще не знали: как являлись сюда «за истиной» Лев Толстой, Соловьев и другие. Как некогда девочка у монастыря подала милостынку ягодами «страннику» - Николаю Васильевичу Гоголю. Как жилали здесь люди духовных, плодоносных лет России. В Устах от Дашеньки и от устовских баб слышал Глеб об Оптиной и даже о старце Амвросии. Но все это шло мимо. Сам он ничего еще вообще не смыслил, старшие же были далеки от «такого»: «это» для «простых», мы же бары, нам не надо никаких Амвросиев»²⁴. Ирония, которая слышится в авторской интонации при изображении духовной слепоты героев, «знание» рассказчика о давних событиях русской истории, ее православных истоках, мимо которых проходит Глеб и его родные, подчеркивает несоответствие героя и рассказчика в зайцевской тетралогии, близкое к толстовской традиции.

В отличие от Зайцева, Бунин неоднократно подчеркивал значимость для своего героя православия, его обрядов и ритуалов, тем самым утверждая их важность для русского человека, его характера и мировосприятия. Идя «от противного», Зайцев приходит к тем же выводам. Но и он не лишает своего героя «прозрений», берущих начало в подсознании, наследственной памяти: «Из Козельска тронулись рано на заре, ехали мимо той дорожки к монастырю, по которой в эти годы ходил и Алеша Карамазов в подряснике своем, переживая Кану Галилейскую перед возлюбленным Зосимой. Ни о чем таком Глеб не думал, когда в утренней свежести катил на тройке, вновь большаком, ныне на Перемышль и Калугу. А хотя не думал и не знал, но поэтическое веяние Козельска, лугов, Жиздры, бора, золотых крестов Оптиной сохранил на всю жизнь - славен город Козельск!»²⁵. Возможно, именно эти «прозрения» стали истоком постепенного приобщения Глеба к религии.

Даже Ю. Мальцев, настаивающий на исключительности жанра произведения Бунина, вынужден был признать: «С последним дворянским писателем Буниным ушло и последнее «детство» из нашей литературы. Бунин последним воспел его; и картины детства такой яркости, красоты и поэтичности мы находим до него только у Аксакова и Толстого»²⁶. То же можно сказать и о тетралогии Зайцева. Таким образом, и бунинское произведение «нового, неназванного жанра» (К. Паустовский), и зайцевская тетралогия оказываются тесно связанными с традицией автобиографического повествования в русской литературе XIX в.

¹ Долгополов Л.К. На рубеже веков. - Л., 1977.

² Бунин И.А. Собрание сочинений в 9 т. - М., 1966. - Т.6. - С.252.

³ Зайцев Б.К. Странник. - Петербург: Scriptorium, 1994. - С.5-6.

⁴ Бунин И.А. Указ соч. - С.164.

⁵ Там же.

⁶ Зайцев Б.К. Атлантида. - Калуга, 1996. - С.358.

⁷ Пушкин А.С. Собрание сочинений в 3 т. - М., 1964. - Т.3. - С.219.

⁸ Бунин И.А. Указ соч. - С.101.

⁹ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90 т. - М., 1935. - Т.5. - С.262.

¹⁰ Аксаков С.Т. Собрание сочинений в 4 т. - М., 1955. - Т.1. - 378, 380.

¹¹ Зайцев Б.К. Указ соч. - С.92.

¹² Там же. - С.143.

¹³ Там же. - С.110.

¹⁴ Литературное наследство. - Т.84. Иван Бунин. - М., 1973. - Т.1. - С.296-297.

¹⁵ Зайцев Б.К. Жизнь Тургенева // Юность. - 1990. - №2. - С.78.

¹⁶ Одоевцева И. На берегах Сены. - М., 1989. - С.283.

¹⁷ Мальцев Ю.В. И.А.Бунин. - М., 1984. - С.28.

¹⁸ Зайцев Б.К. Атлантида. - С.87-88.

¹⁹ Там же. - С.49.

²⁰ Бунин И.А. Указ соч. - С.18.

²¹ Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. - М., 1989. - С.212.

²² Воропаева Е. «Афон» Бориса Зайцева // Литературная учеба.-1990. - № 4.- С.32.

²³ Зайцев Б.К. Атлантида. - С.77-78.

²⁴ Там же. - С.91.

²⁵ Там же.

²⁶ Мальцев Ю. Указ соч. - С.36.